

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 3, pp. 460–477, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460–477
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.156

Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва

Чечек Сергеевна Цыбенова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
 (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник, отдел языкознания
 ORCID: 0000-0002-7789-1492. E-mail: tschechek@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В статье показана роль социальных (экстралингвистических) факторов и их влияние на языковую ситуацию. Факторный анализ позволяет раскрыть социальный контекст существования языка и представляет собой эффективный и надежный способ выявления особенностей его функционирования в различных условиях. Основной целью исследования является анализ наиболее релевантных для современного тувинского языка и языковой ситуации в Республике Тыва экстралингвистических факторов. В качестве *материала* в работе были использованы статистические данные всесоюзных и всероссийских переписей населения за различные годы. Также в исследовании привлекались материалы, содержащие разностороннюю информацию о социальном устройстве тувинского общества. *Результаты.* На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что экстралингвистические факторы функционирования современного тувинского языка имеют неоднозначный характер. Существенное влияние на языковую ситуацию сегодня оказывает географическое положение республики, которое обусловило компактность проживания тувинцев на одной территории и их численное преобладание. Исторический контекст развития тувинского общества определил бурное развитие тувинского языка, становление и укрепление его общественных функций до кардинального изменения этнодемографической и языковой ситуаций, связанного с вхождением Тувы в состав СССР. Уникальным проводником тувинского языка следует назвать и богатые культурные традиции тувинцев, возрождение их верований и обычаев в наши дни. Наиболее динамичными факторами, которые способствуют изменению языковой лояльности, языковых установок тувинцев и провоцируют языковой сдвиг, считаются повышение прагматической ценности образования среди молодежи, а также социально-профессиональная структура населения, которая определяет дистрибуцию тувинского и русского языков в различных коммуникативных сферах.

Ключевые слова: социоллингвистика, языковая ситуация, социальные факторы, Республика Тыва, тувинцы, тувинский язык

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания (ХП.193.1.5. «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», номер госрегистрации №ААА-А-А17-117021310266-8).

Для цитирования: Цыбенова Ч. С. Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва. Oriental Studies. 2019;(3): 460–477. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460–477.

Language Situation in the Tyva Republic: Social Characteristics

*Chechek S. Tsybenova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 677047, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Junior Research Associate

ORCID: 0000-0002-7789-1492. E-mail: tschechek@mail.ru

Abstract. Introduction. The article investigates extralinguistic or social factors determining language functioning in modern society. It highlights the effectiveness and relevance of factor analysis to reveal peculiarities of the language situation. **Goals.** The research primarily aims to reveal and analyze specific social factors for the language situation in the Tyva Republic. **Materials.** Various census data, such as ethnic and demographic indicators of the Tuvan population, its educational level and professional structure have been examined. The paper also surveys different historical and statistical sources describing social life of the Tuvans. **Results.** On the basis of all-Union and all-Russian census statistics, the article reports that social parameters of Tuva's language situation are ambiguous enough. Some factors impact positively while others are essentially dynamic and can gradually lead to a language shift. The positive one is that of Tuva's geographical features, the latter contributing to the numerical predominance of Tuvans and their compact residence in the given territory. Secondly, it should be noted that in the early 20th century Tuva had been a sovereign state (from 1921 to 1944). The period witnessed the emergence of the Tuvan written and literary language. As a result, different social functions of the Tuvan language were rapidly and significantly expanded. Nowadays the revival and development of traditional culture have also some positive impact on the functioning of the Tuvan language. Research materials show that there are some dynamic factors which can hasten language change processes towards a bilingual situation. The paper concludes one of them is represented by the current educational trend that the Tuvan youth be generally inclined to develop Russian-language competence. Another factor is professional stratification of Tuvans. Most Tuvans are not engaged in traditional types of labor activities. The functional distribution of languages is reflected first of all in the lexicon, and leads to the constant code switching and functional weakening of the mother tongue. Thus, consideration of social or extralinguistic factors is necessary and relevant for corresponding sociolinguistic insights.

Keywords: sociolinguistics, language situation, social factors, Tyva Republic, Tuvans, Tuvan language

Acknowledgments: The article was prepared within the government assignment (project XII.193.1.5 'Mentality of Mongolic Peoples in the Mirror of Language', reg. No.AAAA-A17-117021310266-8).

For citation: Tsybenova Ch. S. Language Situation in the Tyva Republic: Social Characteristics. *Oriental Studies*. 2019;(3): 460–477. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460–477.

Введение

Важнейшим аспектом сложной и многогранной проблемы сохранения и развития языка является исследование влияния различных факторов на его функционирование. Факторный анализ обусловлен необходимостью раскрыть характер и особенности внеязыковой действительности, в котором

существует и развивается конкретный язык. В социолингвистике, как правило, выделяют социальные или экстралингвистические факторы. Для анализа социального контекста чаще всего рассматривают демографические показатели данного языкового сообщества: численность населения, говорящего на языке, особенности его расселе-

ния, возрастные характеристики носителей языка и др. Немаловажным является анализ социальной структуры общества и выявление его культурно-языковых особенностей, в частности его письменные традиции, языковые контакты и другие параметры [ССТ 2006: 244].

В отечественной социолингвистике о социальной обусловленности языка писали многие, в частности выделяются работы Ю. Д. Дешериева. В своих исследованиях он рассматривает природу и структуру социальных факторов, проводит их классификацию. По его мнению, все элементы языка формируются в процессе взаимодействия социальных факторов, в условиях конкретной речевой деятельности людей. Социальный фактор он понимает как социальный факт или системно организованное социальное действие, или определенную идею [Дешериев 1988: 7]. Например, социальными факторами могут быть сфера образования, сфера науки, политика, идеология и т. д. Кроме того, Ю. Д. Дешериев в структуре социального фактора выделяет субъект, объект социального действия, среду субъекта, среду объекта, средства, цели и задачи субъекта.

Социальный фактор также имеет признаки: возраст, пол, социальное положение, профессия и т. д. По его мнению, социальными могут быть факторы, относящиеся как к материальной, так и духовной культуре, это явления и процессы, являющиеся продуктом развития общества, деятельности людей. Поэтому он указывает, что их огромное количество и они весьма разнообразны [Дешериев 1988: 8–14; Дешериев 1977].

В современных работах факторы, в условиях которых развивается и функционирует язык, чаще всего называют «экстралингвистическими». Анализ социально-демографических особенностей исследуемого региона, его ландшафтных, культурно-исторических и других специфических параметров является отправным пунктом любого социолингвистического обследования. Сегодня исследователи в основном выделяют и рассматривают детерминантные для той или иной языковой ситуации факторы, что обусловлено прикладным характером работ, материалом, который основан на конкретных фактических сведениях.

Социальный контекст функционирования языка некоторыми исследователями рассматривается в комплексе с языковой и коммуникативной ситуацией. Социальная ситуация обуславливает языковую и представляет собой одновременное функционирование общественной системы в той или иной общности. Она складывается из ее политико-административного статуса, уровня политической, экономической и социокультурной инфраструктуры, этнодемографических, социально-профессиональных и образовательных параметров населения, принципов национальной политики, особенностей культурно-исторического ареала [Баскаков, Насырова 2000: 36–37].

А. Н. Баскаков и О. Д. Насырова выделяют особую значимость социальных факторов в вопросах сохранения и развития языка. На основе анализа языковых ситуаций в тюркоязычных республиках РФ они приходят к выводу, что для сохранения национально-языковой идентичности тюркских и других народов России необходимы серьезные преобразования в социальной структуре. Например, увеличение доли городского национального населения, увеличение в структуре населения гуманитарной интеллигенции, служащих, рабочих, учащихся, владеющих как русским, так и литературными нормами родных языков [Баскаков, Насырова 2000: 124].

По мнению Г. А. Дырхеевой, факторный анализ представляет собой эффективный и надежный способ выявления особенностей языкового функционирования региона. Как она считает, любые изменения языка связаны со сложной системой взаимодействия различных факторов: исторических, социально-политических, правовых, экономических, культурных, этно-демографических, психологических, лингвистических и др. Многие из этих факторов оказывают опосредованное влияние на язык. К таковым она относит размеры территории проживания народа и тип ландшафта, количественный состав населения, его национальную и социальную стратификацию, его культурно-образовательный уровень, государственное и общественное устройство, историческое прошлое народа, его современное экономическое положение и т. д. [Бурятский язык 2018: 8].

На основе анализа языковой ситуации в Бурятии Г. А. Дырхеева полагает, что из внешних факторов процесс языкового единения бурят осложняет их дисперсное проживание в нескольких географических ареалах: Республика Бурятия, Усть-Ордынский округ Иркутской области, Агинский округ Забайкальского края, Внутренняя Монголия КНР, Монголия и др. Территориальная дисперсность бурят, обусловленная историей народа, способствует диалектной расчлененности. Среди объективных макрофакторов, определяющих состояние бурятского языка, она выделяет такие факторы, как численность бурят, их долю среди населения республики, округа или государства, государственную национальную, языковую и образовательную политику. Среди субъективных — национальное самосознание, «открытость» нации [Бурятский язык 2018: 11].

Таким образом, факторный анализ чрезвычайно актуален для выявления специфики функционирования языка, языковой ситуации в целом. Отметим, что такой анализ особенно важен для многоязычных, многонациональных государств. Например, языковая ситуация в российских регионах, несмотря на схожие черты, имеет свои особенности, определяющие уникальность и своеобразие каждого из них. В этом плане показательной следует назвать и языковую ситуацию в Республике Тыва (далее — РТ). Ее географическое положение, исторические ступени развития и становления государственного суверенитета обусловили численное преобладание титульной нации, их компактное расселение на одной территории. Эти факторы, способствовавшие становлению и функциональному развитию тувинского языка, продолжают оказывать определенное влияние на его современное состояние.

Между тем необходимость интеграции тувинцев в общероссийское и мировое пространство все чаще формирует нетрадиционные навыки речевого поведения, влияет на языковые установки тувинской молодежи, постепенно приводит к утрате национально-культурной самобытности, языковой идентичности, трансформации этноязыкового сознания. Поэтому проблемы языкового функционирования, свойствен-

ные большинству малых национальных языков Российской Федерации, характерны и для современного тувинского языка.

Целью нашей статьи является описание доминантных социальных факторов, определяющих языковую ситуацию в Туве, а именно демографические параметры тувинского населения, особенности их расселения, а также их социально-профессиональную стратификацию и уровень образования. Кроме того, нами рассматриваются факторы, которые оказывают опосредованное влияние на функционирование тувинского языка: географические особенности региона, история развития тувинского народа и т. п.

Материалом нашего исследования послужили официальные данные всесоюзных и всероссийских переписей населения за различные годы: 1979, 1989, 2002 и 2010 гг. Статистические данные использованы для выявления социальной базы носителей тувинского языка, для некоторых параметров показана их динамика в разрезе разных лет. В качестве источников также использованы данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва и материалы, содержащие разностороннюю информацию о социальных преобразованиях в Туве.

Этнодемографические параметры населения

Основными этническими группами, населяющими территорию современной Тувы, являются русские и тувинцы. В настоящее время большинство тувинцев компактно проживают на территории РТ. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., все население Тувы составляет 307 930 чел., из них тувинцев — 249 299 чел. По всей Российской Федерации тувинцев зафиксировано 263 934 чел. [ВПН РФ 2010]. Кроме территории Тувы, они проживают в Красноярском крае, отдельные этнолокальные группы живут также в Синьцзян-Уйгурском автономном округе Китая и Монголии.

Этнолокальную группу тувинцев, проживающих в Красноярском крае, в Туве выделяют как «усинские тувинцы» (*Ус тывалары*). Усинские тувинцы проживают в Ермаковском районе на юге Красноярского края по реке Ус и в местности Кашпал, и, как известно, кочевали они в этих краях

издревле. По сведениям историков, после ратификации Кяхтинского договора между Россией и Китаем (1728 г.) основная масса тувинцев отошла под власть Цинского Китая, и была объединена в национальное автономное образование Тану-Тува – Урянхай. Подданным обеих стран запрещалось переходить государственную границу, тем не менее, тувинцы регулярно посещали эти приграничные районы [Дацышен 2009: 128–129].

Точными данными о численности усинских тувинцев исследователи не располагают. По мнению В. Г. Дацышена, тувинцев Усинского края русские власти не контролировали и в основном не учитывали. По его сведениям в начале XX в. в Российской империи проживало около 500 тувинцев [Дацышен 2009: 134–137].

Сегодня на официальном портале Красноярского края указывается, что тувинцев, проживающих в Ермаковском районе, 376 человек [Этноатлас 2017]. По данным администрации Верхнеусинского сельсовета на 2012 г., численность усинских тувинцев достигает 384 человек [Журавель 2015: 61].

За пределами РФ тувинцы дисперсно проживают в Китае и Монголии. Их точная численность до сих пор не установлена. Как указывает М. В. Монгуш, в Монголии, в основном в ее северо-западной части, проживают около 20 тысяч тувинцев, а в Алтайском аймаке Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая тувинцев около 4 тысяч [Монгуш 2002: 17, 23]. Вопрос о происхождении данных групп тувинцев в указанных ареалах остается еще открытым. На основе анализа архивных документов М. В. Монгуш считает, что часть тувинцев оказалась изолированной от основного этноса после разгрома Джунгарского ханства (конец XVII в.), а другая часть появилась в этих краях в результате различных миграционных процессов начала XX в. (после падения господства маньчжуров в Туве; в результате народной революции 1921 г.) [Монгуш 2002: 20–21].

В языковом плане речь усинских тувинцев особо не отличается от языка основной массы тувинцев [Сат 1973: 58], но языки тувинцев Монголии и Китая считаются диалектами тувинского языка [Бавуу-Сюрюн и др. 2010: 27].

Особенности языка усинских, монгольских и китайских тувинцев освещены достаточно хорошо, но глубоких научных исследований еще мало. Недостаточность информации, нехватка специалистов и научных кадров, отсутствие финансирования, закрытость границ в советский период, территориальная отдаленность являются теми объективными причинами, в связи с которыми невозможно было исследование тувинского языка в указанных ареалах в свое время.

Сегодня экспедиции в Ермаковский район Красноярского края периодически совершают преподаватели и студенты Тувинского государственного университета. Сбор диалектологического материала в данном районе проводился несколько раз [Кара-оол и др. 2006; Сувандии и др. 2017].

Зарубежным диалектам тувинского языка посвящены работы первого поколения тувиноведов: Ю. Л. Аранчын [Аранчын 1975], Д. А. Монгуш [Монгуш 1983] и др.

Широко известны работы немецкой исследовательницы Эрики Таубе [Таубе 1994; 2007]. Различными аспектами языка и фольклора тувинцев Китая и Монголии занимаются в Тувинском государственном университете [Бавуу-Сюрюн 2011; Баярсайхан, Бавуу-Сюрюн 2018; Цецегдарь 2013], а также в других научных учреждениях Тувы [Дамба 2012; Баярсайхан 2017; Серен 2006, 2007, 2014].

Русские составляют вторую по численности этническую группу в РТ. Их доля по итогам переписи 2010 г. составила 16,3 %. По данным переписей разных лет видно, что увеличение численности русского населения наблюдается до 1979 г. Рост численности русского населения в основном был обусловлен кадровой политикой СССР. Большинство из них были командированными специалистами и служащими из разных регионов Советского Союза. Миграционный отток за пределы Тувы в 1990-х гг. привел к сокращению их численности. Итоги переписи 2010 г. показывают, что основная часть русского населения сегодня проживает в центральных районах Тувы: Каа-Хемском — 4 182, Кызылском — 5 541, Пий-Хемском — 2 911 и Тандинском — 2 653, а также в г. Кызыле — 30 388 чел. (таблица 1).

Таблица 1. Численность тувинского и русского населения и их доля
 [Table 1. Tuvan and Russian populations, in percentage terms]

Все население В том числе	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
тувинцы [Tuvans]	267 599	100,00	308 557	100,00	305 510	100,00	307 930	100,00
русские [Russians]	161 888	60,5	198 360	64,3	235 313	77,0	249 299	82,0
	96 793	36,2	98 831	32,0	61 442	20,1	49 434	16,3

Составлена по: [Плеханова 2011: 30; Данные ... 2005: 2; Данные ... 2010а].

Как видим, за межпереписной период с 2002 по 2010 гг. численность русского населения сократилась на 4 % (12 008 чел.). Как отмечает З. В. Анайбан, миграционный отток русских из сел республики начал возрастать с 60-х гг. XX в. Русское население выезжало как в города Тувы, так и за ее пределы. По ее данным, факторы миграции чаще всего сводились к набору показателей, которыми определяется уровень жизни [Анайбан 1996: 29–30].

Незначительный приток русского населения за последние годы наблюдается в г. Кызыле. Увеличение численности русских связано с формированием в 2015 г. на территории города 55-й отдельной мотострелковой (горной) бригады. Сообщается, что личный состав формируется в основном из уроженцев Тувы: 1 047 из 1 300 военнослужащих [В Туву прибыл... 2016].

Однако город является постоянным местом дислокации бригады, поэтому командный состав имеет возможность проживать с семьями. Военный гарнизон сегодня расширяется, строится его инфраструктура. Безусловно, изменение этнодемографической структуры населения в Кызыле существенным образом не меняет этноязыковую картину по всей республике. Однако в условиях города, где языковая ситуация более динамичная, этот фактор определенно следует считать весомым, и со временем он может влиять на коммуникативную стратегию горожан.

Таким образом, значительная часть носителей тувинского языка компактно проживает на территории Республики Тыва. Поэтому данный фактор является основным, наиболее существенным, обуславливающим повсеместное использование и владение тувинским языком населением

Тувы. Такое положение благотворно влияет на общее состояние и развитие языка. Во-первых, компактность проживания влияет на однородность состояния языка, его малую диалектную раздробленность. Во-вторых, влияет и на характер языковой компетенции некоренного населения. Известно, что на первых порах, до вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г., средством межнационального общения являлся тувинский язык. Поэтому абсолютно все русские переселенцы, среди которых было много купцов и торговцев, общались с местным населением на тувинском языке. С изменением политического курса, национального состава в советское время, с повышением уровня владения тувинцами русским языком у русского населения постепенно отпадает необходимость владения им. Единичные случаи его использования в качестве средства общения некоторыми русскоязычными, проживающими в сельских местностях, в тувиноязычной среде, сегодня еще встречаются.

Население по способу расселения

Для населения Тувы издревле был характерен сельский тип расселения. В Туве сегодня насчитывается 5 городов: Кызыл, Шагонар, Чадан, Ак-Довурак, Туран. При этом современным городским параметрам (характер занятости населения, уровень его обслуживания, разнообразие досуга, уровень благоустройства и инфраструктуры) соответствует только столица республики — г. Кызыл. Поэтому в данном исследовании под городским населением Тувы понимается только население г. Кызыла.

По мнению Н. М. Моллерова, самым первым оседлым поселением земледельческого типа в Туве следует считать г. Туран [Моллеров 2004: 81].

Ряд исследователей датой основания данного поселения называют 1885 г. Первыми его жителями были русские переселенцы из Енисейской и Томской губерний. Проживали в незначительном количестве и выходцы из Тобольской, Иркутской и центральных губерний. Указывается, что в 1891 г. в городе проживало 42 человека, а в 1902 г. было уже 156 человек [Моллеров 2004: 64–65].

Столица г. Кызыл была основана сразу после принятия Урянхайского края под покровительство российского государства в апреле 1914 г. Он был заложен в местечке Хем-Белдири. Как известно, раньше в этой местности собирались чиновники и феодалы, устраивались моления лам, держали свои торговые лавки и фактории российские купцы. Как центр политической, экономической и культурной жизни Тувинской Народной Республики город начал функционировать с 1922 г., после того, как были переведены административные учреждения из Турана: Правительство ТНР, Центральный комитет Тувинской Народно-Революционной партии, а также Исполком Русской самоуправляющейся трудовой колонии [Бондаренко 2009: 118].

После образования Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) с изменением политического, социально-экономического, культурного устройства государства, образа жизни в целом, тувинцы-кочевники постепенно начали переходить

на оседлость. Как сообщает С. Ч. Донгак, для перехода на оседлость создавались такие простейшие объединения, как Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы), Товарищества по улучшению животноводства (ТУЖи) и Товарищества по общественному развитию животноводства и земледелия (ТОЖЗЕМы). Таким образом, к моменту вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г. колхозниками были около 19 % тувинского населения. Активизация коллективизации сельского хозяйства пришлась на 1949–1953 гг. К этому периоду большинство кочевников стали членами колхозов и совхозов и начали вести оседлый образ жизни [Донгак 2011: 14].

Данные переписей разных лет показывают, что рост численности городского населения наблюдается с 2002 г. В первую очередь, это обусловлено стремлением населения улучшить финансовое положение и найти подходящую работу, возможностью получить образование и более качественное медицинское обслуживание, разнообразием досуга и др. Тенденция увеличения численности городского населения сохраняется и сегодня (таблица 2). По итогам переписи 2010 г. доля горожан, по мнению специалистов, увеличилась за счет естественного прироста населения (когда число родившихся превышает число умерших), а также за счет зарегистрированной и не зарегистрированной миграции населения [Плеханова 2011: 33–34].

Таблица 2. Численность городского и сельского населения Республики Тыва
[Table 2. Urban and rural populations of the Republic of Tyva]

Годы [Years]	Все население (тыс.чел.) [Total population size]	в том числе: [Including:]		в общей численности населения (в %%) [In percentage terms]	
		городское [Urban population]	сельское [Rural population]	городское [Urban population]	сельское [Rural population]
1979	267,6	112,4	155,2	42,0	58,0
1989	308,5	144,3	164,2	46,8	53,2
2002	305,5	157,3	148,2	51,5	48,5
2010	307,9	163,4	144,5	53,1	46,9

Составлена по: [Данные ... 2004; Данные ... 2010а].

Тем не менее современное тувинское общество все еще характеризуется слабой степенью урбанизации. Рост численности горожан, очевидно, не оказывает суще-

ственного влияния на процессы урбанизации. Не способствуют этому процессу слабая экономика, связанная с отсутствием крупных производственных и промышлен-

ных предприятий, недостаточно развитая инфраструктура и уровень благоустройства городов Тувы в целом. Наблюдается так называемая «рурализация», характерное для многих малых российских городов явление, когда сельская традиционная культура воздействует на культуру города путем миграции сельчан, и окраины застраиваются деревянными, малоэтажными домами.

Особую роль играет и направление миграции, которая пока характеризуется как маятниковая (регулярное передвижение жителей различных населенных пунктов на работу, учебу и возврат к месту жительства). Как отмечают социолингвисты, важным лингвистическим следствием такой миграции является «стирание региональных языковых различий и нивелирование территориальных диалектов» [Беликов, Крысин 2001: 233].

Слабую степень урбанизации в социокультурном плане, доминирование сельского образа жизни следует считать положительным для функционирования тувинского языка. Известно, что село как хранитель традиций и обычаев способствует сохранению языка, его межпоколенной передаче, большей однородности его форм.

Город, напротив, всегда многонационален и динамичен. Городское коммуникативное пространство способствует возникновению разнообразных социальных вариантов языка (жаргон, сленг и др.), в нем наблюдаются более резкие границы между языковой нормой и узусом. Часто основным средством коммуникации в условиях города выступает межнациональный язык. Поэтому для языковой ситуации Тувы данный параметр пока не является определяющим.

Однако наши наблюдения показывают, что языковая ситуация в сельских местностях Тувы не совсем однозначна и постепенно меняется. Это особенно характерно для центральных районов, приграничных с городским округом. Так, ситуация в с. Сарыг-Сеп (административный центр Каа-Хемского района, расстояние до г. Кызыла около 100 км), в котором функционируют национальная тувинская и русская школы, является во многом показательной. В последние годы в школе с русским языком обучения неуклонно увеличивается количество учащихся тувинской национальности. Например, в приказе о зачислении в первый

класс на 2018–2019 учебный год видим, что из 63 первоклассников 30 являются тувинцами [Приказ 2018].

Основным мотивом, по мнению большинства родителей, является необходимость повышения уровня владения детьми русским языком, лучшая подготовка к поступлению в высшие учебные заведения. Подобная тенденция приводит к ухудшению владения тувинским языком. Усугубляют данную ситуацию и сопутствующие факторы: просмотр ТВ на русском языке, использование гаджетов, сеть Интернет и др. В результате сегодня становится заметным, что значительное количество тувинских детей перестают общаться между собой на родном языке в своей повседневной жизни.

Социально-профессиональная структура населения

Социально-профессиональная структура населения тесно взаимосвязана с особенностями народного хозяйства региона и его отраслями. Основной деятельностью тувинцев издревле было кочевое скотоводство. Ремесло в тувинском обществе носило второстепенный характер. Переработкой животноводческого сырья в промышленном масштабе или для продажи тувинцы не занимались, все изготавливалось только для собственных нужд. По мнению О. Н. Ондар, промышленность в современном понимании появилась только с середины XX в., тувинцев-рабочих до этого периода не было. Как указывает исследователь, в середине XIX в. – начале XX в. предпринимались лишь отдельные попытки добыть золото, соль, природные богатства, обработать кожу, пушнину [Ондар 2002: 31].

По хозяйственно-экономическому укладу Тува традиционно является регионом с развитым аграрным сектором. Характер экономики региона предопределили и особенности социально-профессиональной структуры населения. Специалисты отмечают, что отраслевая структура промышленного производства Тувы сегодня неразвита, в структуре валового регионального продукта преобладает сельское хозяйство и нерыночные услуги [Балакина 2011: 10]. В связи с этим большинство занятого населения работает в отраслях непроизводственной сферы, в частности в образовании,

здравоохранении и торговле. Специалистами также указывается, что для экономики Тувы характерны небольшие полукустарные предприятия, которые производят продовольственные товары (кондитерские изделия, напитки), товары текущего спроса, необходимые для промышленных, строи-

тельных, транспортных нужд и т. д. Основными видами предпринимательства являются розничная и оптовая торговля [Анайбан 2009: 77].

Особенности социально-профессиональной структуры населения Тувы отражены в следующей таблице (таблица 3).

Таблица 3. Относительные данные занятости населения по РТ в основных отраслях народного хозяйства (в %%)
[Table 3. Employment by key economic sectors of Tyva: relative data (%%)]

Сфера занятости [Sector of employment]	Все занятое население [All employed population]		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Промышленность [Industry]	11,8	8,5	8,8
Сельское хозяйство [Agriculture]	28,3	13,9	9,8
Транспорт и связь [Transport and communications]	6,0	6,4	7,3
Строительство [Construction]	12,7	4,4	3,8
Торговля и общественное питание [Trade and catering]	6,9	10,2	12,2
Жилищно-коммунальное хозяйство [Housing and utility services]	2,7	3,6	5,3
Здравоохранение и физическая культура [Healthcare and physical culture]	7,0	12,1	11,8
Народное образование [Public education]	11,5	23,0	21,8
Культура и искусство [Culture and arts]	2,1	5,0	-
Наука [Science]	2,2	0,4	-
Аппарат управления [Administrative staff]	3,4	-	12,6

Составлена по: [Данные ... 1989; Данные ... 2003; Данные ... 2010б].

Следует отметить, что характерной особенностью занятости тувинского и русского населения в различных отраслях в советское время было их распределение. Как указывают З. В. Анайбан и Г. Ф. Балакина, такие отрасли производства, как строительство, промышленность, транспорт и связь, а также структуры непроизводственной сферы, среди которых просвещение, здравоохранение, культура, наука, система государственного и хозяйственного управления, укомплектовывались командированными специалистами

и приезжими работниками — не тувинцами [Балакина, Анайбан 1995: 45].

В настоящее время тувинцы заняты в различных областях народного хозяйства. Следует отметить, что негласное распределение по отраслям все же наблюдается. Например, в строительстве в основном заняты рабочие из Средней Азии. Предпринимательство и торговля также представляют собой нехарактерные для тувинцев издревле сферы. Известно, что торговцами и купцами в основном были китайцы, позже русские. Они имели свои торговые лавки и фактории, где коренное население обменивало пушнину,

скот, ягоды, лесозаготовки на товары первой необходимости (спички, соль, чай, кусок ткани и т. п.). Сегодня торговлей наряду с тувинцами занимаются граждане Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Китая.

На профессиональные предпочтения тувинцев, по всей видимости, определенное влияние оказывают и особенности менталитета, этнопсихологические черты характера. На основе проведенного социологического исследования Д. Ф. Дабиев полагает, что у населения Тувы практически нет интереса к профессиям реального сектора. Респонденты-тувинцы предпочитают профессии государственного служащего, работника милиции, военнослужащего, либо связанные с научной и педагогической деятельностью, а также с медициной. По его мнению, тувинцев не привлекают профессии, характеризующиеся жестким режимом работы (промышленность), и наоборот, более привлекательными являются работы с относительно свободным графиком (научная, педагогическая деятельность, медицина) [Дабиев 2018: 137–138].

Подобное экономическое поведение он связывает с системой ценностей, сформировавшихся в процессе исторического развития. Как он считает, при выборе профессии для тувинцев вполне приемлемы те же мотивы, которые выделяет исследователь И. М. Хабаева для бурят. Во-первых, это свобода как основная ценность кочевого сообщества. Во-вторых, конфуцианские ценности учености, образования, стремления получить чиновничьи должности, вероятно, сформировавшиеся в условиях взаимодействия и взаимовлияния культур. И, в-третьих, рыночные ценности, связанные с повышением уровня образования, которое увеличивает конкурентоспособность на рынке труда [Дабиев 2018: 137–138].

Наши наблюдения показывают, что специализация организаций, а также их национальный состав в определенной мере влияют на использование языков в той или иной социально-профессиональной среде. Довольно часто, несмотря на этническую однородность коллектива, в таких сферах деятельности, как органы государственного управления, научные и образовательные учреждения, в качестве языка внутриэтнического общения между тувинцами используется русский язык. Отчасти это связано

с узостью и недостаточной развитостью различных функциональных стилей тувинского языка. В указанных сферах он используется в зависимости от коммуникативной ситуации и конкретного собеседника, в основном как язык устного общения, повседневных событий. Подобная коммуникативная стратегия более характерна для городской среды.

Тем не менее социально-профессиональная структура коррелирует с дистрибуцией языков в различных коммуникативных сферах: в официальных сферах преимущественно используется русский, а тувинский язык в основном функционирует в неофициальных. В условиях четкого распределения языков наблюдается функциональное ослабление тувинского языка. Поэтому данный фактор связан с рядом наиболее актуальных и приоритетных задач тувинского литературного языка: это обогащение лексики на основе его собственных ресурсов, усовершенствования стилей, разработка терминов, повышение культуры устной и письменной речи современных носителей языка.

Население по уровню образования

Особым показателем развитости общества и его культурного уровня является наличие письменных традиций и образования. Это, пожалуй, один из самых главных экстралингвистических факторов, влияющих на жизнеспособность языка. За свою длительную историю тувинцы использовали несколько графических систем. Сегодня известны тексты на древнетюркском, старомонгольском, тибетском, латинском, кириллическом (русском) алфавитах. Национальная письменность, основанная собственно на тувинском языке, была создана в 1930 г.: сначала на латинице, затем в 1941 г. была переведена на русскую графическую основу.

Первоначально образование в Туве имело духовное направление. Первыми школами были буддийские монастыри, в которых обучалось ограниченное количество детей. Как сообщает В. Ч. Монгуш, функционировали они при крупных монастырях с конца XIX в. По ее мнению, в силу социально-экономического и культурного развития тувинского общества образование в то время воспринималось аратами исключительно как духовное, поэтому «необходимость получения светского образования не осознавалась в полной мере» [Монгуш 2006: 75].

Образование как социальная норма складывается к 50–60-м гг. XX в. Это позволило властям в корне решить проблему неграмотности основной массы населения, охватить всех детей школьного возраста. К этому же времени параллельно были решены проблемы материально-технического, учебно-методического, кадрового обеспечения учебных учреждений. Важным фактором следует считать то, что на первом этапе языком обучения и воспитания являлся тувинский язык.

В современном обществе потребность личностного и профессионального роста требует от индивида постоянного повы-

шения уровня образования. О прагматической ценности образования свидетельствуют и результаты социологических исследований. Так, значительная часть молодых тувинцев все чаще указывает образование как средство достижения материального благополучия и рассматривает его как основной фактор, который способствует получению престижной, высокооплачиваемой работы [Кан 2010: 232; Харунова 2010: 159].

Итоги переписей населения показывают, что общий образовательный уровень населения Тувы с каждым годом только возрастает (таблица 4).

Таблица 4. Население по уровню образования по Республике Тыва
[Table 4. Tuva's population by educational levels]

	На 1 000 человек в возрасте 15 лет и более имеют образование [Numbers of individuals aged 15 and older — per thousand residents — to have attained educational levels as follows]					
	профессиональное [Professional education]			общее [General education]		
	послевузовское высшее и высшее [Graduate and postgraduate education]	неполное высшее [Undergraduate education]	среднее [Secondary vocational education]	среднее (полное) [Secondary education (complete)]	основное [Basic secondary education]	начальное [Primary education]
1979 г.	54	13	119	205	295	212
1989 г.	79	16	183	233	235	129
2002 г.	106	23	264	236	181	69
2010 г.	160	30	300	222	154	46

Составлена по: [Данные ... 2004; Данные ... 2010а].

Сегодня наблюдается тенденция, когда абитуриенты в основном стараются поступить в высшие учебные заведения, находящиеся за пределами Тувы. Как правило, это подразумевает интенсивное использование и достаточно высокий уровень владения русским языком. Тем не менее преподавание тувинского языка в школах республики, некоторых средних специальных образовательных учреждениях, а также в Тувинском государственном университете является мощным фактором, предопределяющим его сохранение и развитие. Несмотря на постепенное уменьшение объема часов в образовательных учреждениях, Тува представляет собой один из немногих национальных регионов, продолжающих преподавать тувинский язык как предмет и использовать его как язык преподавания.

Другие экстралингвистические факторы

Среди других экстралингвистических факторов отметим постепенный рост численности некоренного населения республики. По мнению А. К. Бумбажай, переселенческие вопросы правительством Российской империи игнорировались, так как свобода переселений могла повлечь за собой миграцию населения и создать угрозу социальной и экономической стабильности государства. Регулирование миграционной мобильности населения в те годы способствовало постепенному росту численности русских переселенцев на территории Тувы, которая до своего официального вхождения в состав СССР (1944 г.) была закрытой территорией [Бумбажай 1999].

На развитие функций тувинского языка огромное влияние оказало его бытование в период Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). За годы ее существования была создана национальная письменность, значительно расширились и укрепились его общественные функции, произошло становление и развитие литературной формы. В правительственных кругах поднимались вопросы изучения государственного тувинского языка и его изучения гражданами СССР, проживающими в Туве.

Тувинский язык как государственный язык суверенной республики по функциональному потенциалу и возможностям полностью соответствовал своему юридическому статусу. Он широко функционировал в качестве языка делопроизводства, на нем была составлена вся официальная документация — от Конституции и законодательных актов, до простых справок и доверенностей. Как пишут современники, все документы были написаны официально-деловым стилем, с соблюдением принципов официальности, стандартности, в лексическом составе текстов отсутствовали эмоциональность и экспрессивность [Сат 1980: 56].

Одним из мощных факторов, положительно влияющих на функциональное развитие тувинского языка, следует считать сферу культуры. Возрождение традиций и обычаев тувинского народа способствует развитию тувинской культуры в наши дни. Основным рабочим языком культурно-массовых мероприятий вместе с русским, безусловно, является тувинский язык. Репертуар абсолютного большинства коллективов представлен на тувинском языке. Сеть учреждений культуры в республике по данным официального портала Правительства РТ состоит из 176 библиотек, 144 сельских домов культуры, 32 детских школ искусств, 7 музеев и 19 республиканских учреждений культуры и искусства, функционирует 6 творческих союзов [Культура 2017]. Следует отметить, что культурные мероприятия обладают ярко выраженной коммуникативной спецификой и оказывают более сильное и глубокое воздействие на процесс восприятия. В связи с этим ее можно назвать уникальным проводником не только тувинской культуры, но и тувинского языка.

Важно отметить и географическое местоположение республики. Тува является

одним из отдаленных и труднодоступных регионов, ее транспортная инфраструктура до сих пор остается неразвитой. Расстояние от столицы Тувы до Москвы составляет 4 668 км, а до железнодорожной станции в Абакане 410 км [Кызыл-90 2004: 4–5]. Такое расположение изначально не способствовало массовому проникновению русскоязычного населения. Сегодня данный фактор играет ключевую роль: он во многом сдерживает миграционный отток самого тувинского населения и способствует компактности его проживания.

Заключение

Тувинский язык — один из немногих титульных языков РФ, который сегодня обладает достаточной функциональной и демографической мощностью. Анализ экстралингвистических факторов показывает, что социально-демографические, исторические, географические и другие особенности языковой ситуации имеют неоднозначный характер и оказывают как положительное, так и негативное влияние на функционирование современного тувинского языка.

Наиболее существенным макрофактором, влияющим на сохранение и дальнейшее развитие тувинского языка, следует считать компактное проживание большинства тувинцев на одной территории и их численное преобладание по отношению к другим национальностям республики. Данный фактор создает благоприятные условия для сохранения языка, способствует интенсивности его применения практически во всех коммуникативных сферах. Немаловажным следует считать и сельский тип расселения тувинцев, который способствует однородности языка. Кроме того, сдерживающее влияние оказывают характер миграции коренного населения, труднодоступность региона, возрождение и развитие традиционных видов тувинской культуры, основанных на родном языке. Определенную роль в укреплении и становлении общественных функций и стилистического разнообразия тувинского литературного языка сыграло его бытование в период Тувинской Народной Республики.

К динамичным факторам, которые в дальнейшем могут иметь негативные последствия, следует отнести образовательные установки тувинской молодежи и социально-профессиональную структу-

ру населения. Постепенно меняющаяся социально-профессиональная структура, интеграция современных носителей языка в общероссийское пространство требует коммуникативной стратегии, направленной в основном на владение русским языком.

Поэтому сегодня основной задачей следует назвать повышение уровня языкового самосознания тувинской молодежи, которой необходимо быть ориентированной на две культуры без отказа от своего культурного наследия.

Литература

- Анайбан 1996 — *Анайбан З. В.* Республика Тува: модель этнологического мониторинга. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996. 96 с.
- Анайбан 2009 — *Анайбан З. В.* Социально-экономические процессы в регионах Южной Сибири и условия адаптации населения к новым условиям жизни [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2009, № 1–2. С. 65–90 URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/110-social-economic-processes.html (дата обращения: 06.03.2019).
- Аранчин 1975 — *Аранчин Ю. Л.* Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XVII. Кызыл, 1975. С. 212–218.
- Бавуу-Сюрюн и др. 2010 — *Бавуу-Сюрюн М. В., Цецегдарь У., Гансук Х., Баярсайхан Б.* К вопросу о классификации диалектов тувинского языка // Сибирский филологический журнал. 2010. № 3. С. 158–166.
- Бавуу-Сюрюн 2011 — *Бавуу-Сюрюн М. В.* Социолингвистические заметки о тувинцах Китая [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2011, № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_9/3028-bavuu-syuryun.html (дата обращения: 10.03.2019).
- Балакина, Анайбан 1995 — *Балакина Г. Ф., Анайбан З. В.* Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 1995. 140 с.
- Балакина 2011 — *Балакина Г. Ф.* Динамика социально-экономического развития Республики Тыва в 2006–2010 годах // Статистическая служба России: 200 лет (1811–2011 гг.): Мат-лы заоч. конф. к 200-летию юбилею российской статистики. Кызыл: Террит. орган федер. службы гос. статистики по РТ, 2011. С. 10–13.
- Баскаков, Насырова 2000 — *Баскаков А. Н., Насырова О. Д.* Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 34–129.
- Баярсайхан 2017 — *Баярсайхан Б.* Термины единиц измерения в языке цэнгэльский тувинцев Монголии // Ученые записки: [текст] / Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2017. Вып. XXIV. С. 230–239.
- Баярсайхан, Бавуу-Сюрюн 2018 — *Баярсайхан Б., Бавуу-Сюрюн М. В.* Монголизмы в тувинских топонимах: сопоставительный анализ географических названий сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии и Тувы [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/799> (дата обращения: 10.03.19.). DOI: 10.25178/nit.2018.3.14
- Беликов, Крысин 2001 — *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 439 с.
- Бондаренко 2009 — *Бондаренко Т. А.* История создания города в Центре Азии (к 95-летию Белоцарска – Урянхайска – Красного – Кызыла) [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2009. № 4. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_4/914-bondarenko.html (дата обращения: 10.03.2019).
- Бумбажай 1999 — *Бумбажай А. К.* Россия и Тува: проблема становления связей в конце XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 28 с.
- Бурятский язык 2018 — *Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития* / отв. ред. Д. Д. Бадараев; Г. А. Дырхеева, Д. Д. Бадараев, Ж. Ц. Дондокова, А. Д. Дармаева, Б. Б. Будаева, Х. Э. Жигзымаева, Р. М. Балдоржиева, Л. Р. Рабданова, В. Г. Жалсанова, А. М. Бадонов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. гос. ун-та, 2018. 256 с.
- ВПН РФ 2010 — Всероссийская перепись населения Российской Федерации. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/

- perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 23.03.2018).
- Дабиев 2018 — *Дабиев Д. Ф.* Профессиональные предпочтения населения Тувы в контексте экономической культуры [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/774> (дата обращения: 10.03.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.2.7
- Дамба 2012 — *Дамба Н. Ч.* Варианты последовательности изучения звуков и букв в 1 классе цэнгэлской начальной школы Монголии // Вестник Тувинского государственного университета. № 4. Кызыл, 2012. С. 86–89.
- Данные 1989 — Распределение населения по источникам средств существования и отраслям переписи населения. По данным Всесоюзной переписи населения. М.: Госкомстат СССР, 1989. 235 с.
- Данные 2003 — Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. М.: Росстат, 2003. 895 с.
- Данные 2004 — Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Тыва. Кызыл: Тывастат, 2004. 47 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Террит. орган федер. службы гос. статистики по РТ).
- Данные 2005 — Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Террит. орган федер. службы гос. статистики по РТ. Население по национальности и полу по Республике Тыва. Кызыл, 2005. 13 с.
- Данные 2010а — Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [электронный ресурс] // Управление федер. службы гос. статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва URL: http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/ (дата обращения: 23.03.2018)
- Данные 2010б — Рынок труда и занятость населения [электронный ресурс] // Баланс трудовых ресурсов за 2010 г. URL: http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/statistics/tuvStat/employment/ (дата обращения: 23.03.2018)
- Дацышен 2009 — *Дацышен В. Г.* Тувинское население Усинского пограничного округа Енисейской губернии. Из истории русско-тувинских отношений [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2009, № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/465-dasishen.html (дата обращения: 01.04.2019).
- Дешериев 1988 — *Дешериев Ю. Д.* Теоретические аспекты изучения социальной обусловленности языка // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М.: Наука, 1988. С. 5–41.
- Дешериев 1977 — *Дешериев Ю. Д.* Социальная лингвистика (К основам общей теории). М.: Наука, 1977. 381 с.
- Донгак 2011 — *Донгак С. Ч.* Традиции скотоводства у тувинцев (конец XIX – середина XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 22 с.
- Журавель 2015 — *Журавель Т. Н.* Этнологическая ситуация в Усинской долине Красноярского края: дис. ... канд. филол. наук [электронный ресурс] // Сиб. федеральный ун-т. Красноярск, 2015. 171 с. URL: <http://research.sfu-kras.ru/sites/research.sfu-kras.ru/files/DissertaciyaZhuravel.pdf> (дата обращения: 24.01.2018).
- Кан 2010 — *Кан В. С.* Социальное самочувствие молодежи в Республике Тыва [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2010, № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2155-kan.html (дата обращения: 23.03.2019).
- Кара-оол и др. 2006 — *Кара-оол Л. С., Куулар Е. М., Сувандии Н. Д.* Некоторые особенности речи усинских тувинцев // Ученые записки: Ежегодник кафедры тувинского языка ТывГУ. Вып. I. Кызыл: РИО ТывГУ, 2006. С. 19–26.
- Культура 2017 — Культура Республики Тыва [электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <http://gov.tuva.ru/region/culture/1322/> (дата обращения: 24.08.2018).
- Кызыл–90 2004 — Кызыл-90 (юбилейный статистический сборник). Кызыл: Комстат РТ, 2004. 68 с.
- Моллеров 2004 — *Моллеров Н. М.* Основание и развитие г. Турана в конце XIX – начале XX века: исторический очерк // Ученые записки Тув. ин-та гуманитар. исследований. Кызыл, 2004. Вып. 20. С. 60–84.
- Монгуш 1983 — *Монгуш Д. А.* О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии: [Сб. ст.] / Тувин. НИИ яз., лит. и истории; [Редкол.: Д. А. Монгуш (отв. ред.) и др.]. Кызыл: [б. и.], 1983. С. 122–145.
- Монгуш 2002 — *Монгуш М. В.* Тувинцы Монголии и Китая: Этнодисперсные группы: (История и современность). Новосибирск: Наука, 2002. 126 с.
- Монгуш 2006 — *Монгуш В. Ч.* История образования в Тувинской Народной Республи-

- ке: 1921–1944 гг.: дис. ... канд. истор. наук / Моск. гос. открытый пед. ун-т. М., 2006. 175 с.
- Ондар 2002 — *Ондар О. Н.* Начало промышленного освоения Тувы // *Ученые записки Тув. ин-та гум. исследований.* Кызыл, 2002. Вып. 19. С. 31–39.
- Плеханова 2011 — *Плеханова Ю. Н.* Тува от переписи до переписи // *Статистическая служба России: 200 лет (1811–2011 гг.): Мат-лы заочной конф. к 200-летию юбилею российской статистики. Террит. орган федер. службы гос. статистики по РТ.* Кызыл, 2011. С. 26–34.
- Приказ 2018 — Приказ № 75/1 от 07.02.2018 г. О зачислении в 1 класс на 2018–2019 уч. год [электронный ресурс] // МБОУ СОШ № 1 им. Ю. А. Гагарина. URL: <https://school1-saryg-sep.rtyva.ru/#content> (дата обращения: 01.04.2019).
- Сат 1973 — *Сат Ш. Ч.* Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1973. 193 с.
- Сат 1980 — *Сат Ш. Ч.* Образование функциональных стилей тувинского литературного языка // *Тувинская письменность язык и литература.* Кызыл: Тувкнигоиздат, 1980. С. 45–57.
- Серен 2006 — *Серен П. С.* Моолда Сенгел тываларының чаңчылдары (дылының, культуразының материалдары) (= Обряды и обычаи цэнгэлских тувинцев (материалы языка и культуры)). Кызыл: ТывНУЧ, 2006. 104 ар. (На тув. яз.).
- Серен 2007 — *Серен П. С.* Научный отчет о командировках в Северо-Западную Монголию // *Ученые записки: [текст] / Тувинский институт гуманитарных исследований.* Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2007. Вып. XXI. С. 321–330.
- Серен 2014 — *Серен П. С.* Моолда тываларның ёзу-чаңчылдары. Ышкү кезээ: Моолда Цагаан-Нуур тываларының ёзу-чаңчылдары (Дылының, культуразының материалдары) (= Обряды и обычаи цагаан-нурских тувинцев (материалы языка и культуры)). Кызыл: Тываполиграф, 2014. 192 ар. (На тув. яз.).
- Сувандии и др. 2017 — *Сувандии Н. Д., Куулар Е. М., Соян А. М.* Экспедиционные поездки 2015–2016 гг. к субэтническим группам тувинцев Монголии и Красноярского края [электронный ресурс] // *Новые исследования Тувы.* 2017, № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/746> (дата обращения: 04.04.2019). DOI: 10.25178/nit.2017.4.11
- ССТ 2006 — *Словарь социолингвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко.* М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
- Таубе 1994 — *Таубе Э.* Сказки и предания алтайских тувинцев / собр., [сост., предисл., с. 5–50, написано и коммент. подготовлены] Э. Таубе; [Авториз. пер. с нем. Б. Е. Чистовой]. М.: Вост. лит., 1994. 380, [2] с. (Сказки и мифы народов Востока).
- Таубе 2007 — *Таубе Э.* Заповеди и запреты, связанные с рассказыванием богатырских сказок и других эпических текстов // *Ученые записки: [текст] / Тувинский институт гуманитарных исследований.* Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2007. Вып. XXI. С. 272–282.
- В Туву прибыл... 2016 — В Туву прибыл первый эшелон 55 отдельной мотострелковой (горной) бригады [электронный ресурс] // Сетевое информационное агентство «Тува-онлайн». 23 ноября 2016 г. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2016/11/23/v-tuvu-pribyl-pervyy-eshelon-55-otdelnoy-motostrelkovoy-gornoy-brigady.html> (дата обращения: 18.03.2019).
- Харунова 2010 — *Харунова М. М.-Б.* Образование и работа как факторы социального самочувствия молодежи Тувы (по материалам социологического опроса) [электронный ресурс] // *Новые исследования Тувы.* 2010. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2527-harunova.html (дата обращения: 23.03.2018).
- Цецегдарь 2013 — *Цецегдарь У.* Особенности тувинской речи жителей Кобдо: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 18 с.
- Этноатлас 2017 — *Этноатлас: народы и народности, населяющие Красноярский край [электронный ресурс] // URL: <http://www.krskstate.ru/80/narod/etnoatlas/0/eid/111>* (дата обращения: 04.04.2017).

References

- [A Dictionary of Sociolinguistic Terms]. V. Yu. Mikhailchenko (ed.). Moscow: Institute of Linguistics of RAS, 2006. 312 p. (In Russ.)
- [Culture of the Tyva Republic]. On: an official website of the Tyva Republic. An Internet resource: <http://gov.tuva.ru/region/culture/1322/> (accessed: August 24, 2018). (In Russ.)
- [Key Outcomes of the 2002 Russian Census: the Tyva Republic]. Kyzyl: Tuva Reg. Office of Russian State Committee for Statistics (Rossstat), 2004. 47 p. (In Russ.)
- [Kyzyl-90: a Jubilee Statistical Digest]. Kyzyl: Tuvan Committee for Statistics, 2004. 68 p. (In Russ.)

- [Order No. 75/1 of February 7, 2018 'On Enrollment of First Grade Children: the 2018–2019 Academic Year']. On: website of Yu. Gagarin School No. 1. An Internet resource: <https://school1-saryg-sep.rtyva.ru/#content> (accessed: April 1, 2019). (In Russ.)
- [Outcomes of the 2010 Russian Census]. Branch of Rosstat in Krasnoyarsk Krai, Republic of Khakassia and Tyva Republic. An Internet resource: http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/ (accessed: March 23, 2018). (In Russ.)
- [Population by Nationality and Sex: the Tyva Republic]. Kyzyl: Tuva Reg. Office of Rosstat, 2005. 13 p. (In Russ.)
- [Population by Source of Subsistence and Census Spheres: according to Estimates of the Soviet Census]. Moscow: USSR State Committee for Statistics, 1989. 235 p. (In Russ.)
- [Regions of Russia: Socio-Economic Indicators. The Year 2003]. Moscow: Rosstat, 2003. 895 p. (In Russ.)
- [The Buryat Language in Regions of Russia, Mongolia and China: Conditions, Challenges, Preservation and Development Factors]. D. D. Badaraev (ed.); G. A. Dyrkheeva, D. D. Badaraev, Zh. Ts. Dondokova et al. Ulan-Ude: Buryat State Univ., 2018. 256 p. (In Russ.)
- [The Ethnic Atlas: Nations and Minorities of Krasnoyarsk Krai]. An Internet resource: <http://www.krskstate.ru/80/narod/etnoatlas/0/eid/111> (accessed: April 4, 2017). (In Russ.)
- [The Russian Census of 2010: Information Materials Dealing with the Estimated Population Numbers]. An Internet resource: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (accessed: March 23, 2018). (In Russ.)
- [Tuva Welcomes the First Troop Train of the 55th Separate Motor Rifle Mountain Brigade]. On: website of Tuva Online Information Agency. November 23, 2016. An Internet resource: <https://www.tuvaonline.ru/2016/11/23/v-tuvu-pribyl-pervyy-eshelon-55-otdelnoy-motostrelkovoy-gornoy-brigady.html> (accessed: March 18, 2019). (In Russ.)
- Anaiban Z. V. [The Tyva Republic: a Model of Political Monitoring]. Moscow: Inst. of Ethnology and Anthropology of RAS, 1996. 96 p. (In Russ.)
- Anaiban Z. V. Social and economic processes in South Siberian regions and adaptation conditions of the population to the new conditions of life. *The New Research of Tuva*. 2009. No. 1–2. Pp. 65–90. An Internet resource: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/110-social-economic-processes.html (accessed: March 6, 2019). (In Russ.)
- Aranchyn Yu. L. New ethnographic and philological materials from Northwest Mongolia. In: [Scholarly Notes of Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]. Is. XVII. Kyzyl, 1975. 278 p. Pp. 212–218. (In Russ.)
- Balakina G. F. The Tyva Republic: dynamics of socio-economic development in 2006–2010. In: [The Statistical Service of Russia: Celebrating the 200th Anniversary (1811–2011)]. Conf. proc. Kyzyl: Tuva Reg. Office of Russian State Committee for Statistics (Rosstat), 2011. Pp. 10–13. (In Russ.)
- Balakina G. F., Anaiban Z. V. [Contemporary Tuva: Socio-Cultural and Ethnic Processes]. Novosibirsk: Nauka, 1995. 140 p. (In Russ.)
- Baskakov A. N., Nasyrova O. D. Language situations in Turkic republics of the Russian Federation: a concise sociolinguistic essay. In: [Languages of the Russian Federation and Neighboring Post-Soviet Countries: Status and Functions]. Moscow: Editorial URSS, 2000. Pp. 34–129. (In Russ.)
- Bavuu-Syuryun M. V. Sociolinguistic notes about the Tuvans in China. *New Research of Tuva*. 2011. No. 1. An Internet resource: http://www.tuva.asia/journal/issue_9/3028-bavuu-syuryun.html (accessed: March 10, 2019). (In Russ.)
- Bavuu-Syuryun M. V., Tsetsegdar U., Gansukh Kk., Bayarsaikhan B. The classification of Tuvan dialects revisited. *Siberian Journal of Philology*. № 3. Novosibirsk, 2010. Pp. 158–166. (In Russ.)
- Bayarsaikhan B. Measure terms in the language of Tsengel Tuvans (Mongolia). In: [Scholarly Notes of the Tuvan Institute for the Humanities and Applied Socio-Economic Studies]. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2017. Is. XXIV. Pp. 230–239. (In Russ.)
- Bayarsaikhan B., Bavuu-Syuryun M. V. Mongolisms in Tuvan toponyms: a comparative analysis of place names in Tsengel Sum of Bayan-Olgii Aimag, Mongolia, with those of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2018, No. 3. Pp. 215–224. An Internet resource: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/799> (accessed: March 10, 2019). (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2018.3.14
- Belikov V. I., Krysin L. P. [Sociolinguistics]. A textbook for university students. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001. 439 p. (In Russ.)
- Bondarenko T. A. The foundation history of the city in the center of Asia: to the 95th anniversary of Belotsarsk – Uryankhaysk – Krasnyi – Kyzyl. *The New Research of Tuva*. 2009. No. 4. An

- Internet resource: https://www.tuva.asia/journal/issue_4/914-bondarenko.html (accessed: March 10, 2019). (In Russ.)
- Bumbazhai A. K. [Russia and Tuva: Establishing Ties in the Late 19th – early 20th Centuries]. A Cand.Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 1999. 28 p. (In Russ.)
- Dabiev D. F. Career preferences of Tuva population in the context of economic culture. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 2. An Internet resource: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/774> (accessed: March 10, 2019). (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2018.2.7
- Damba N. Ch. Sequences for learning sounds and letters by first grade pupils of Tsengel Primary School (Mongolia). *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Kyzyl, 2012. No. 4. Pp. 86–89. (In Russ.)
- Datsyshen V. G. The Tuvan population of Usinsk boundary district of the Yenisei Province: from the history of relations between Russia and Tuva. *The New Research of Tuva*. 2009. No. 3. An Internet resource: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/465-dasishen.html (accessed: April 1, 2019). (In Russ.)
- Desheriev Yu. D. [Social Linguistics: Fundamentals of the General Theory Revisited]. Moscow: Nauka, 1977. 381 p. (In Russ.)
- Desheriev Yu. D. Investigating the social causation of the language: aspects of theory. In: [The Influence of Social Factors on Language Functioning and Development]. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 5–41. (In Russ.)
- Dongak S. Ch. [Livestock Breeding Traditions of the Tuvans: Late 19th – Early 20th Centuries]. A Cand. Sc. thesis (history) abstract. Vladivostok, 2011. 22 p. (In Russ.)
- Job Market and Public Employment. In: [Labor-Force Balance Sheet: 2010]. An Internet resource: http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/statistics/tuvStat/employment/ (accessed: March 23, 2018). (In Russ.)
- Kan V. S. Social health of Tuva's youth. *The New Research of Tuva*. 2010. No. 3. An Internet resource: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2155-kan.html (accessed: March 23, 2019). (In Russ.)
- Kara-ool L. S., Kuular E. M., Suvandii N. D. Usinsk Tuvans: revisiting some peculiarities of their speech patterns. In: [Scholarly Notes]. A year-book by Tuvan Language Department of Tuvan State University. Is. I. Kyzyl: Tuvan State Univ., 2006. Pp. 19–26. (In Russ.)
- Kharunova M. M.-B. Education and employment as factors of social well-being of the young people of Tuva (based on a social poll). *The New Research of Tuva*. 2010. No. 4. An Internet resource: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2527-harunova.html (accessed: March 23, 2018). (In Russ.)
- Mollerov N. M. The town of Turan: its establishment and development in the late 19th – early 20th centuries. A historical essay. In: [Scholarly Notes of Tuvan Humanities Research Institute]. Kyzyl, 2004. Is. 20. Pp. 60–84. (In Russ.)
- Mongush D. A. The language of Tuvans inhabiting Northwest Mongolia revisited. In: [Questions of Tuvan Philology]. Coll. papers by Tuvan Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist. D. A. Mongush (ed.) et al. Kyzyl, 1983. Pp. 122–145. (In Russ.)
- Mongush M. V. [Tuvans of Mongolia and China: Ethnically Dispersed Groups (History and Contemporaneity)]. Novosibirsk: Nauka, 2002. 126 p. (In Russ.)
- Mongush V. Ch. [The Tuvan People's Republic: a History of Its Establishment, 1921–1944]. A Cand.Sc. thesis (history). Moscow State Open Pedagogical Univ. Moscow, 2006. 175 p. (In Russ.)
- Ondar O. N. The beginnings of Tuva's industrial development. In: [Scholarly Notes of Tuvan Humanities Research Institute]. Kyzyl, 2002. Is. 19. Pp. 31–39. (In Russ.)
- Plekhanova Yu. N. Tuva from one census to another. In: [The Statistical Service of Russia: Celebrating the 200th Anniversary (1811–2011)]. Conf. proc. Kyzyl: Tuva Reg. Office of Rosstat, 2011. Pp. 26–34. (In Russ.)
- Sat Sh. Ch. [The Tuvan National Literary Language: Its Formation and Development]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1973. 193 p. (In Russ.)
- Sat Sh. Ch. The Tuvan literary language: emergence of functional styles. In: [The Tuvan Script, Language and Literature]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1980. Pp. 45–57. (In Russ.)
- Seren P. S. [Rituals and Customs of Tsagaan Nur Tuvans: Cultural and Linguistic Materials]. Kyzyl: Tyva Polygraph, 2014. 192 p. (In Tuv.)
- Seren P. S. [Rituals and Customs of Tsengel Tuvans: Cultural and Linguistic Materials]. Kyzyl: Tuvan Hum. Res. Inst., 2006. 104 p. (In Tuv.)
- Seren P. S. A scientific report summarizing results of recent research journeys to Northwest Mongolia. In: [Scholarly Notes of Tuvan Humanities Research Institute]. Kemerovo: Kemerovo State Univ. of Culture and Arts, 2007. Is. XXI. Pp. 321–330. (In Russ.)
- Suvandii N. D., Kuular E. M., Soyana A. M. 2015–2016 expeditions to sub-ethnic groups of Tuvans living in Mongolia and Russia's Krasnoyarsk Krai. *The New Research of Tuva*. 2017. No. 4.

- An Internet resource: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/746> (accessed: April 4, 2019). (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2017.4.11
- Taube E. [Fairy Tales and Legends of Altaian Tuvans]. B. E. Chistova (Germ.-to-Russ. transl.). Moscow: Vost. Lit., 1994. 380 p. (In Russ.)
- Taube E. Heroic tale telling-related precepts and bans. In: [Scholarly Notes of Tuvan Humanities Research Institute]. Kemerovo: Kemerovo State Univ. of Culture and Arts, 2007. Is. XXI. Pp. 272–282. (In Russ.)
- Tsetsegdar U. [Peculiar Tuvan Speech Patterns of Khovd Residents]. A Cand.Sc. thesis (philology) abstract. Moscow, 2013. 18 p. (In Russ.)
- Zhuravel T. N. [The Ethnolinguistic Situation in Usinsk Valley of Krasnoyarsk Krai]. A Cand. Sc. (philology) thesis. Krasnoyarsk: Siberian Federal Univ., 2015. 171 p. An Internet resource: <http://research.sfu-kras.ru/sites/research.sfu-kras.ru/files/DissertaciyaZhuravel.pdf> (accessed: January 24, 2018). (In Russ.)

